

В. Д. МЕДЕМ

Из моей жизни

<Фрагменты>

<...> В Карлсруэ у меня была интересная схватка. Я приехал туда утром, меня встретили на вокзале мои товарищи. Они рассказали мне, что планируют провести небольшую дискуссию до моей вечерней лекции. Дискуссия, организованная членами социал-демократических групп, была посвящена национальному вопросу, в ходе которой планировался политический диалог с только что прибывшим известным молодым искровцем. Что за человек? После того, как я услышал его фамилию, я вспомнил. Около полутора лет до этого, в Берне я исполнял обязанности руководителя кружков, состоявших из молодых женщин-студенток. Одна из них рассказывала мне о своём брате, очень способном молодом человеке, отбывавшем в то время ссылку в Сибири. Фамилия девушки была Бронштейн (нынешняя жена Каменева, известного русского коммуниста). Её брат? Ныне знаменитый Лев Троцкий.

Мы приготовились к схватке. Недалеко от дома, где были организованы дебаты, я увидел небольшую группу людей на противоположной стороне улицы возле указанного места. «Вот он», — сказал мне кто-то. Он был высокий, худой, с длинными волосами и в стоптанных жёлтых ботинках. Эти жёлтые ботинки поразили меня больше всего, потому что они бросались в глаза. У нас такие ботинки просто никто не носил.

Он был похож на свою сестру. Правда, у неё были чёрные глаза, а у него — светло-серые; но у обоих в лицах было что-то, что делало их похожими на хищных птиц. У него это сходство было ещё более поразительным из-за его особенного рта — большого, изогнутого, жёсткого. Это был ужасный рот.

Обмен мнениями продолжался несколько часов. <...> Потом Троцкий выступил с детальной критикой, на которую я ответил. Я не очень хорошо помню подробности дебатов, но помню, что прения были просто неистовыми и что обе стороны, как обычно, были довольны собой. Должен признаться, что у меня тогда появилась неприязнь к этому человеку, и были основания думать, что это чувство взаимно. Прения продолжались почти до самого вечера, тем не менее интерес к ним всё возрастал, и основные положения дискуссии стали очевидны. После завершения моей лекции выступили несколько сионистов, как неприсоединившиеся, юноши с ошибочными идеями. Следующим выступал Троцкий. Он ответил сионистам остроумно и хорошо. Но потом он обратился ко мне, обиженный на то, что я «посмел» высказать несколько язвительных замечаний русским социал-демократам. Я обвинил их в постоянном пренебрежении важной задачей борьбы с антисемитизмом; я не делал секрета из того, что рассматривал это как важный недостаток и серьёзную ошибку, которую следует избежать в дальнейшем.

Троцкий заступился за русских социалистов. Во-первых, сказал он, это неправда: они борются с антисемитизмом. К примеру, в его родном городе Николаеве ещё несколько лет назад была выпущена листовка. И, во-вторых, с ним нечего особенно бороться. В конце концов, антисемитизм — не более, чем следствие всеобщей несознательности широких масс. Значит, нужно привести их в состояние всеобщей сознательности, после чего антисемитизм постепенно исчезнет сам собой. А делать евреев особым объектом дискуссий среди широких масс излишне. Такое оправдание было в высшей степени характерно для искровцев. Потом, когда я встретил Троцкого вместе с другим известным деятелем, если не ошибаюсь, Давидом Рязановым¹, стало ясно, что его попытка отрицать даже перед самим собой собственную подлинную суровую вину, лежащую на русских социалистах, — есть не что иное, как спекулятивное объяснение, принятое в его партии.

Троцкий был уже известен как блестящий оратор, а также публицист. Но статья, которую он написал для «Искры», тогда вызвала сильные протесты. В те дни острая полемика «Искры» была направлена против эсеров вообще и в частности против их практики террора. Полагаю, что для острой полемики не было реального повода, а Троцкий был действительно язвительный по-

лемист. Но он начал с крайностей. В минувшем году молодой эсер Степан Балмашов убил Дмитрия Сипягина, русского министра внутренних дел². «Искра» с большой враждебностью набросилась на молодого страдальца. Она решилась утверждать, что Балмашов вообще был не эсером, а настоящим социал-демократом. Утверждение было ложью. Но искровцы продолжали упорно настаивать на своей точке зрения. Между тем до Балмашова дошло их осуждение, и он повесился. А полемика всё продолжалась, при этом обе стороны в действительности спорили над трупом, каждый тянул его на свою сторону. Это было не только отвратительно, но и гадко — вся эта возня вокруг него. Poleмика такого сорта оставляла после себя горький привкус. Автором этих статей был Троцкий.

Этот инцидент был буквально частным случаем, только одним примером. Однако этот пример очень характерен для Троцкого тех лет. Он обладал хлётским языком, и влияние этого языка на самого Троцкого было сильнее рассудка. Он, конечно же, был не глуп; совсем наоборот, он даже производил впечатление интеллигентного человека. Но более мощными, чем его разум, были его молодость, необузданная импульсивность, а больше всего — его язык. Я помню русскую поговорку о человеке, который ради красного словца не пожалеет и отца. Это применимо и к Троцкому, но с небольшой разницей: для него были важны не именно слова, а то, как ими уколоть. Он был своего рода болтуном. Уже тогда было видно, что человек обладает необычайными способностями. Он мог блестяще писать, а говорить — даже ещё лучше. Но не производил впечатления человека, на которого можно положиться. И в этом главную роль играл его язык.

Троцкий сильно изменился в последующие годы, становясь более зрелым, солидным и серьёзным, но едкость языка осталась.

<...>

Переехав через границу, я без происшествий прибыл в Берлин, где встретился с Либером³. Мы поехали в Копенгаген вместе⁴. Зарегистрировались в большой шикарной гостинице и встретили ещё несколько делегатов. В той же самой гостинице, например, находился Троцкий. Скоро он пришёл в мой номер. Я не видел его несколько лет, он очень изменился за это время. Троцкий много пережил за эти годы. В 1905 году он уехал из Швейцарии в Россию, играл видную роль в Санкт-Петербургском совете, был арестован и сослан в Сибирь. Освободился только недавно и вер-

нулся за границу, худой и бледный, утомлённый путешествием. Он изменился и внутренне, стал более зрелым и солидным. В прежние дни, когда я обычно видел Троцкого за границей, в нём было ещё много ребяческого. После дискуссии, в которой мы столкнулись с ним в Карлсруэ, превратившейся в яростную схватку, я встречался с ним в том же самом 1903 году на съездах Российской социал-демократической рабочей партии в Брюсселе и Лондоне. Позже мы участвовали вместе в большом российском митинге, который состоялся в Женеве сразу после начала русско-японской войны. Я был в президиуме митинга. Троцкий был основным оратором. До сих пор очень хорошо помню его речь и то странное впечатление, которое она произвела на меня. Он доказывал, что западноевропейские страны — уже в 1904 году, не позже! — созреют для социальной революции.

Троцкий вообще в те дни производил впечатление человека с крайне малым чувством ответственности, чрезмерно помпезного, занятого погоней за красивыми, острыми и пикантными фразами. Остроумный и язвительный Рязанов тогда навесил ему ярлык «Балалайкин». Другое прозвище он дал Троцкому из-за его позиции на съезде — «Ленинская дубинка». Но сейчас, как я уже говорил, Троцкий заметно изменился. Он повзрослел и, как мне показалось, стал более спокойным и серьёзным. Троцкий далеко отошёл от Ленина и порвал с большевизмом. Он не стал меньшевиком, но занял серединную позицию, которая была почти равна позиции Бунда. Он хотел организовать фракцию своей собственной партии и явно рассчитывал на поддержку Бунда, поэтому начал всё более активно заигрывать с Бундом и бундовцами, и этот флирт продолжался годами. В ранние годы он был озлобленным противником Бунда. На съезде 1903 года Троцкий привлёк к себе внимание благодаря острой полемике с Либером. Но ситуация изменилась, и он пытался установить с нами гораздо более близкие дружеские отношения.

Что касается меня, я никогда не верил в искренность такой новой дружбы. С первого взгляда Троцкий был мне неприятен. Насколько мне известно, его отношение ко мне было точно таким же, как и моё к нему. Что и было подтверждено, между прочим, в то самое утро после нашего приезда в Копенгаген. Когда мы издавали «Наше слово», я написал статью о политическом положении, касаясь причин того, почему революция пока ещё

не может победить. Я подчёркивал, в частности, значение русского крестьянства. Троцкий в то время был в тюрьме и там написал работу, в которой выразил свои взгляды по этому поводу. Когда он вошёл в наш номер в гостинице в Копенгагене, он сразу же спросил Либера: «Скажи, кто из ваших людей Винницкий?» (Эта статья была подписана моим псевдонимом.) По тону вопроса было ясно, что статья ему уж очень понравилась и он готов видеть в авторе своего партнёра. Либер ответил: «Это Медем». «В самом деле!» — откликнулся Троцкий. И замолчал. По его поведению было ясно, что он не особенно восхищён этим открытием.

